

*ИВАН
АЛЕКСАНДРОВ*

***ЖИВЫЕ
ЗЕРНА***

*ИВАН
АЛЕКСАНДРОВ*

***ЖИВЫЕ
ЗЕРНА***

СТИХИ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1977

Иван Александров живет и работает на орловской земле, в городе Мценске. Он — автор нескольких поэтических книг.

В своей новой книге И. Александров размышляет о корнях, связывающих человека с родной землей. Названия сел и речек Мценской округи входят в его поэтический язык так же напевно и естественно, как и многие другие голоса родины: трубные клики журавлей, звон колосьев, соловьиный перещелк. Автор дорожит приметами нового в жизни села, откуда он родом, не забывает о чувстве родства с природой как источником духовных сил.

24855
V2

© Издательство «Советский писатель», 1977 г.

A $\frac{70402-182}{083(02)-77}$ 123-77

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

То от Холопьева моста,
То с улицы Тургенева
Пахнет в лицо дымком костра,
Дымком костра осеннего.

Потянет свежестью реки,
Горчинкой полынной,
И обветшалостью стрехи,
И стружкой сосновою.

Запахнет русской стариной,
Густой медовой бражкой,
И свежей корочкой ржаной,
И давней кавардашкой.

И снова на закате дня,
Сквозь дым и расстояния,
Из детства хлынут на меня
Волной воспоминания.

Возникнет в памяти моей
Зеленый выгон в Минине:
Дымки костров у шалашей
За фронтовою линией.

Июльский вечер тих и свеж,
Луна леском погашена,

И варят беженцы кулеш
У каждого шалашика.

И вот опять горят костры
Над Ядринкой и Зушею,
И терпкий дым иной поры
Заполоняет душу мне.

То от Холопьева моста,
То с южной территории
Пахнет в лицо дымком костра,
Дымком самой истории.

Повеет близким и родным,
Таким щемяще сладостным,
Таким по-детски озорным,
По-стариковски радостным.

И вдруг поймешь на склоне дней,
Что с самого младенчества
И горек он душе твоей,
И сладок, дым Отечества.

Легли налево и направо
Моей поэзии края.
Есть у меня своя держава,
Хоть маленькая, да своя.

Ее граница вьется сушей,
Петляет от реки к реке,
Пройдя по Снежеди и Зуше,
Красивой Мече и Оке.

Земля Тургенева и Фета
Известна далеко вокруг.
Тепло поэтами воспета
Моя столица Бежин луг.

Вы не найдете в целом мире
Таких лесов, таких полей,
Такой бездонно синей шири
С прощальным криком журавлей.

Опять над заповедным краем
В осенних трепетных лучах
Светло рябина полыхает,
Как негасимый алый стяг.

Благослови меня как сына
На честный труд и честный бой,
Моя багряная рябина,
Моя надежда и любовь.

* * *

Из того далекого-далекого,
Из того неведомого дня
Три богатыря —
Три зорких сокола —
Пристально смотрели на меня.

Был июнь.
Палило солнце жгуче,
И курилась маревом земля.
Я увидел вдруг
На Красной Круче
Белые метелки ковыля.

Я его встречал
В степях Алтая:
Сколько ковыля на целине!
Что за чудо:
Как трава степная
Оказалась в нашей стороне?

Я представил
Явственно до боли
За рекой — в разливе ковылей —
Дикое, нехоженое поле
И в дозоре —
Трех богатырей.

Из того далекого-далекого,
Из того неведомого дня
Три богатыря —
Три зорких сокола —
Дружески смотрели на меня.

САМОРОД

Жили-были на Мецне
Мирные мецняне.
Жгли костер при луне
На большой поляне.

Полыхал в лесу костер
Высоко и рьяно.
Шел серьезный разговор
Против басурмана.

Доложил опять дозор,
Что из степи дикой
Надвигается разор
И полон великий.

Укрывался народ
От раскосой тучи
На горе Самород,
На высокой круче.

Наточили топоры,
Наострили стрелы,
Чтобы встретить у горы
Супостата смело.

Обложил Давлет-Гирей
В ночь глухую крепость.

Сон упрятал меж бровей
Лютую свирепость.

Был внезапен удар
Храброй мценской рати.
Потопил в реке татар
Воевода Татев.

Много лет кривился рот
У Давлет-Гирея:
— Кто о Мценске помянет,
Тот лишится шеи!

Лес шумел за рекой,
Грозный и дремучий.
Снова с юга над горой
Зависали тучи.

Разбивался вражий сброд,
Что валил веками,
О гору Самород,
О святые камни.

СЛОВО ПАВШИХ

Пускай мы в бронзе и граните,
Мы слышим вас, мы видим вас.
Вы нас, пожалуйста, храните
От громких слов, от пышных фраз.

Не ради них, не ради славы
Мы шли когда-то в смертный бой.
Мы в час жестокий и кровавый
Прикрыли Родину собой.

Во все века неистребимы
Земля, деревья, облака.
Пускай склоняется рябина
Над нами знаменем полка.

ЗАТИШЬЕ

Памяти Х. Н. Абрикосова

Речка ластится змейкой:
За изгибом — изгиб.
А на взгорке аллея
Зеленеющих лип.

Груши, сливы да вишни
Разноцветно пестрят.
Это хутор Затишье —
Абрикосовский сад.

Жил когда-то ученый
Тут, в сторонке от сел,
Горячо увлеченный
Приручением пчел.

Зря не мям их раевней,
Не дразнил дымарем.
Восседала царевной
Матка в улье своем.

Пчелы мирно кружились
У родного летка
И послушно садились
На ладонь старика.

Дружелюбно, радушно
Их встречал пчеловод:

— До чего же вы дружный,
Работящий народ! . .

Речка вьется как змейка:
За изгибом — изгиб.
А на взгорке аллеика
Абрикосовских лип.

Снова сливы да вишни
Белопенно цветут,
А глухое Затишье
Погружается в гуд.

На поляне былинной,
В стороне от дорог,
Прописался пчелиный
Хлопотной городок.

В это жаркое время
Гул над пасекой шел:
Не теряется племя
Абрикосовских пчел.

И стараются пчелы
По науке его,
В суматохе веселой
Не забыв ничего.

Добрый путь, хлопотухи,
От цветка до цветка!
Вам раздолье в округе —
Мать-земля широка!

За ветвями косыми
Этих лип и берез
Голубеет «Россия» —
И страна, и колхоз.

* * *

Это не богатство,
Незачем беречь:
Выбросим из хаты
Старую печь.

Ни к чему загнетка,
Дежка и рогач:
На плите — котлетка,
На плите — калач!

Лучше — на задворки
Бабкин мавзолей:
Без него просторней,
Без него светлей.

Это не богатство
Даже тут, в глуши. . .
И осталась хата
Словно без души.

24855

* * *

Ниже, ниже, ниже
Ночь над головой.
Ходит гром по крыше,
Словно домовой.

Час от часу ветер
Злее и грубей:
Завывает ветер,
Словно черт, в трубе.

Слышу поневоле
Странный шум и щелк.
Это через поле.
Скачет серый волк.

Можно без опаски
Досыпать теперь.
Это снова сказка,
Бабушкина сказка
Постучалась в дверь.

ПОПЕКУШКИ

Попекушки, попекушки —
Доброй бабушки дары.
Снова в дежке у старушки
Бродит тесто до поры.

Завтра вылетят из хаты,
Взмоют ввысь до облаков
Расписные жаворята,
Целых сорок сороков.

Поглядит бабуся слепо,
Рассмеется у ворот:
— Улетают прямо в небо,
Залетают прямо в рот!

Сколько счастья у старушки
И у шумной детворы!
Попекушки, попекушки —
Доброй бабушки дары.

Окину поле у раки
Счастливыми глазами:
Ячмень лукаво шевелит
Колючими усами.

Взгляну на поле у берез,
А там, не умолкая,
Звенит сережками овес,
Пшеницу завлекая.

А вот и клин у тополей,
Где всем богам на диво
Желтеет барыня полей --
Моя ржаная нива.

Встречает дед:
— Ну, как, сосед?
— Приятно любоваться!
— Ужо довольно бы глазеть:
Пора за дело браться!

«ПОЛЮС»

Батя — радостный и гордый,
Недовольна только мать:
— Вот еще купили черта,
Не дает ночами спать.

Жили тихо, жили скромно.
Ну скажи: зачем он тут?
Да у нас подвал огромный —
Оба полюса войдут!

Для меня сверчок полезней:
Всю-то ночь тюр-лю, тюр-лю.
Я его за эту песню
Обожаю и люблю.

Мать поставила будильник
И перекрестила рот.
А смущенный холодильник
Замурлыкал, словно кот.

ЗИМНИЙ СОН

Теперь их позабыли сводки,
Покинули грузовики.
Стоят комбайны-самоходки,
Надев на шины башмаки.

Стоят и дремлют на приколе,
А снится жаркая страда:
Они снуют в раздольном поле
Туда-сюда, туда-сюда.

Им снятся зори и рассветы,
И разливное море ржи,
И раскаленный полдень лета,
И пройденные рубежи.

И вот застыли, как в дозоре,
На деревянных башмаках,
И густо пламенеют зори
На их натруженных боках.

Теперь никто их не тревожит,
А может, кто-то загрустит
Да тропку раннюю проложит
Среди заснеженных раки.

Да в холода, почуяв лихо,
Презрев опасности в пути,
Прискочит старая зайчиха,
Надеясь зернышко найти.

ЗАПРАВКА

Сюда, к развесистым раkitам
И рокотавшим тракторам,
Нас, безотцовщину, магнитом
Притягивало по утрам.

И гужевалась у ограды
Орава шумная повес,
Когда чумазая бригада
Катила к нам из МТС.

Здесь в царстве дегтя и бензина
Жила романтика труда.
И звал какой-нибудь детина:
— А ну-ка, гаврики, сюда!

И было ясно без вопросов,
Что лучше — дальше от греха,
И кто-то шприцевал колеса,
И кто-то драил лемеха.

И был у каждого характер,
И не спрашивал никто:
— А что такое карбюратор
И что такое магнето?

Случалась всякая промашка,
И знал любой из пацанов,

Как доставалась перетяжка
Или притирка клапанов.

Зевали рваные ботинки,
Горели руки и бока,
А задавал на вечеринке
Иной такого трепака:

«Карбюратор не сосет,
Свечи не работают.
В клапанах такой зазор,
Что цилиндры хлопают!»

И, забывая передряги,
Спешили снова по утрам
Безбожники и работяги
К своим добытым тракторам.

Шагали дружно по дорожке
Походкой валкою своей,
Неподражаемо похожие
И на богов, и на чертей.

И нам хотелось в ту минуту,
Конечно втайне от других,
Всю рожу вымазать мазутом,
Чтоб чем-то походить на них.

И мы от гордости сияли,
Когда садились на прицеп.
И мы не в гавриков играли,
А зарабатывали хлеб!

Мы с упоением и азартом
В любви деревне не клялись.
Для нас заправка стала стартом —
Неповторимым стартом в жизнь.

СОЛДАТКИ

Пускай война,
Пускай проруха,
А ты держись любой ценой.
Они брели за ржавым плугом,
Брели за ржавой бороной.

Мычали жалобно коровы,
Вздывая впалые бока,
И горько всхлипывали вдовы,
Что ребяшня без молока.

И слезы с градинками пота
Срывались с женского лица:
— Не наша, бабоньки, работа! —
А той работе нет конца.

И снилось душными ночами,
Как будто через всю войну
Они натужно тянут сами
И воз, и плуг, и борону.

И шли они в одной упряжке
Со всем народом и страной:
Они — двужильные — в пристяжке,
А мать-Россия — коренной.

* * *

Муж свинцом фашистов косит,
Дело правое вершит.
Баба луг смахнет и сносит,
Сток собьет и завершит.

Оберет его, обладит
Хлопотливая рука.
Даже ласково погладит,
Словно мужние бока.

* * *

Вскопать такое поле
Не то что огород.
Спина гудит от боли,
И заливает пот.

Не девка, не молодка —
Давно за сорок пять.
С трудом дается сотка,
Да стыдно отставать.

Сжимает черенище —
Все глубже, глубже штык:
Все ищет, ищет, ищет
Заветный золотник.

Еще придут зажинки,
Еще настанет срок,
Когда ей золотинки
Подарит колосок.

* * *

Тетка возит молоко:
Пять бидонов в бричке.
Десять верст — далеко,
Если без привычки.

Сбочь дороги у межи —
Буйная зеленка:
Хоть корове положи,
Хоть подбрось теленку.

Мерин влево глаз косит,
Голову воротит.
— Шевелись, паразит! —
Обругает вроде.

— Шевелись, а то врублю,
Вредная натура:
Каждый шаг по рублю,
А губа не дура!

Ну, а мерин хватить да хватить
Той зеленки с викой:
«Все равно — отвечать,
Все равно рыкает.

Говорят, раньше здесь
Были мы в почете.
А теперь какая честь
Вот от этой тети?

А теперь какая жизнь —
Ругань всю дорогу:
Шевелись да шевелись,
А овес не трогай!»

РЫЖУХА

Шиферная крыша,
Сено и вода.
Да не хочет Рыжая
Заходить сюда.

— Нечего, Рыжуха,
Дурака валять.
Тут тепло и сухо,
Просто благодать.

Нечего упрямитесь:
Может, в эту ночь
У тебя появится
Сын или дочь.

Не успела бедная
Облизать сынка,
Тут же тетка вредная
Унесла телка.

— Не реви, бесстыжая,
Замолчать пора! —
Заметалась Рыжая,
Рвется со двора.

Не желает родненькая
Пить и есть:
Может, он голодный,
Может, мокрый весь.

Лижет ей подруга
Впалые бока.
Все мычит Рыжуха,
Все зовет сынка.

* * *

Озорной да хваткий,
Я колю дрова:
Ходуном — лопатки,
Кругом — голова.

Взмах — как будто выстрел
В глубине двора.
Брызжут щепки искрами
Из-под топора.

Даже тетю Фросю
Пробирает дрожь:
— Вот бы нам в колхозе
Эту молодежь!

* * *

Отпадают год от года
Закадычные друзья,
Словно листья в непогоду,
Завихряясь и скользя.

Не виню, не укоряю,
Лишь в душе такая грусть,
Будто сам себя теряю,
Сам с собою расстаюсь.

* * *

Девчата сидели и пели,
Тревожа больничный покой,
Как серые гуси летели,
Спешили с чужбины домой.

А гуси весну уносили
На Зушу, на Снежедь, на Чернь.
На мценской земле, в Новосиле
Ручьи по дорогам теперь.

— Эй, гуси! — отчаянно-дико
Я стае вдогонку кричу. —
Возьмите меня, горемыку,
Я с вами домой улечу.

Меня напоили бы соком
Березы в заречном краю,
А тут я брожу у истока
И воду противную пью.

И гуси ответили грустно:
Мол, все у тебя впереди.
И стало знобяще и пусто
В моей наболевшей груди.

И я напрягался в бессилье,
И снова впадал в забытье.
А гуси несли над Россией
На прутике сердце мое.

БИВНИ

В краеведческом музее г. Мценска
хранятся бивни мамонта, обнаруженные
при раскопках.

Легко и плавно припадая
И нежась в солнечном тепле,
Бродили мамонты стадами
По древней тельченской земле.

Откуда завернула стужа?
Откуда навалились льды?
И звери покидали Зушу
И уходили от беды.

А этот у речной излуки
Был на погибель обречен,
Поскольку горестной разлуке
Он смерть лихую предпочел.

Порой почудится:
В овраге,
Куда невольно бросишь взгляд,
Водой обмытые коряги,
Как бивни мамонта,
Торчат.

* * *

Городок,
Сиренью запорошенный,
Я вернусь когда-нибудь опять,
Чтоб, как в детстве,
Голыми подошвами
Твой асфальт шершавый целовать.

Может статья:
Опьяненно-трезвый,
По дождю, по лужам, напрямиком,
Побреду по улице известной —
Да при всем народе! —
Босиком.

Буду тихо
Плакать и смеяться,
Позабыв,
Что — можно,
Что — нельзя.
Недрузи подпрыгнут от злорадства,
Схватятся за голову друзья.

Отрешенный и непогрешимый,
Буду шатко уходить вперед.
Чья-нибудь знакомая машина
Чудака в дороге подберет.

Я еще до дома не доеду,
А повсюду разнесется слух.
Позовет в больницу на беседу
Мой давнишний ученик и друг.

Я приду,
Скажу ему:
— Сережа,
Самый золотой из докторов,
Понапрасну ты меня тревожишь:
Я вполне нормален и здоров.

Мне бы обезуметь в самом деле
От житейской смуты и обид,
Да не время, брат, для канители,
Да мужская гордость не велит.

Просто в жизни многое не спелось,
Что уже не спеть и не сыграть.
Оттого, как в детстве, захотелось
Пятками асфальт поцеловать.

Ничего со мною не случится
В грустном одиночестве моем.
Может, только матери приснится
Босоногий мальчик под дождем.

* * *

В Дубках,
Да в Лужках,
Да в Скородинке
Смешно нам о славе вздыхать:
Узнали бы только на родине,
А где-то успеют узнать.

А здесь-то в года завирухи
Протопали мы босиком.
Я с детства во мценской округе
С любой деревенькой знаком.

Я в дружбе с любой луговиной,
Приятель для каждой тропы:
Сорочий — зовет по малину,
Осинковец — по грибы.

Взойду на лесную опушку,
Присяду в тени у куста.
Знакомая с детства кукушка
Желает не менее ста.

Бывает, конечно, бывает:
В какой-то неласковый час
Звязгливая Моська облает,
Но Тузик мне лапу подаст.

Я встану стеною за друга,
Отдам и рубашку и честь.
Недаром судачит округа:
Мол, парень-то нашенский весь.

И мне под родительской крышей,
И мне у родимой ветлы
Не надо признания выше,
Достойнее — похвалы.

В Дубках,
Да в Лужках,
Да в Скородинке
Смешно нам о славе вздыхать:
Признали бы только на родине,
А где-то успеют признать.

* * *

Мы не очень знамениты
И не шибко прыткие,
Но и мы не лыком шиты,
А суровой ниткою.

Эту нитку мать сучила
Вечерами зимними,
Чтобы —
Никакою силой,
Никакими ливнями...

* * *

Когда-нибудь в родное Власово
Ты завернешь издалека,
Случайно вспомни сероглазого
Гудиловского паренька.

О нашей дружбе вспоминая,
Не позабудь, не поленись:
Ты поклонись родному краю,
Тропинкам детства поклонись.

Ты загляни на тот пригорок,
На те глухие пустыри,
Где ржавый хлеб нам был не горек,
Где мятой пахли сухари.

Ты наведи в погожий вечер
Тот потаенный уголок,
Где завязался с первой встречи
Нелегкой дружбы узелок.

Да не расстраивайся слишком,
Завидев мостик у раakit,
Где, может быть, другой мальчишка
С другою девочкой стоит.

* * *

Знать, такой обычай в Новосиле,
А из наших захолустных мест
Никогда еще не увозили
На грузовиках невест.

Я стоял, немой и недвижимый,
У села родного на краю.
Свадебная буйная машина
Увозила сверстницу мою.

Я глазами за борта хватался,
Только слышал пьяный смех в ответ.
Навсегда в моей душе остался
Рубчатый от шины след.

* * *

Мне возразил сердито
Ученый человек:
Мол, ревность — пережиток
В наш просвещенный век.

Не верьте дурню, люди:
Ведь ревностью зовут —
Когда безмерно любят
И безнадежно ждут.

Не самое хуленое
Из всех земных страстей,
А добела каленое
То чувство у людей.

Пускай, как голод странника,
До смертного венца
Охватывает паника
Влюбленные сердца!

* * *

Памяти А. Т. Твардовского

Бывал ли ты в Дорогобуже?
А я, как двадцать лет назад,
Воспоминаньями разбужен,
Варю картошку для ребят.

Душа избавилась от боли
В дыму походного костра.
Я оказался на приколе
В слиянье Осьмы и Днепра.

Я буду вечно благодарен
Судьбе за радость этих дней.
Ах, почему ты, тетка Дарья,
Не стала тещею моей?

Тот городок поныне снится,
Поныне снятся те леса.
Нет-нет, сквозь память медуница
Заглянет ласково в глаза.

Поманит дикая смородина
На берега смоленских рек.
Твоя приветливая родина
Мне стала милою навек.

Бывал ли ты в Дорогобуже,
У этих рек, у старых свай?
Я снова, памятью разбужен,
Благословляю этот край.

* * *

Был в народе славен,
Славен через край:
По-славянски — травень,
А по-русски — май.

Теплый дождик в мае
Хлопотлив и спор:
Травы подымает,
Тянет за вихор.

Помню в час закатный
Бабушку свою:
— Самый благодатный
Дождичек в маю!

Помню ту беседу —
Дед сказал соседу:
— Коль посеешь в грязь,
Значит, будешь князь!

Славен, славен, славен,
Как ни называй:
По-славянски — травень,
А по-русски — май!

ГОРЬКИЙ КОРЕНЬ

В 1802 году помещик Я. С. Есипов и немец Е. И. Бланкеннагель построили в селе Алябьево сахарный завод — первый в России.

Залетел деляга немец
В эти русские края.
Размечтался чужеземец
У студеного ручья:

— Бог ты мой, какое чудо —
Эта свекла у ракии:
Каждый корень больше пуда —
Сахарист и соковит!

Немец охал, немец ахал,
Чтоб соседа покорить:
— Из такой бы свеклы сахар
Удивительный варить!

Взволновался здешний барин,
Хлопнул немца по спине:
— За идею благодарен,
За компанию — вдвойне!

Так возник в красе и силе
Под алябьевской горой
Первый сахарный в России
И во всей земле — второй.

Только сахар тот варили
Для царя и для господ,
А в народе говорили:
— Сладок корень — горек пот!

Много лет корпела с тяткой
В знойном поле у ручья,
Может, Фекла, может, Гапка —
Прапрабабушка моя.

И жила одна забота
У нее в худой груди,
Чтоб ни репки, ни осота —
Ни травинки позади.

Шла босая жесткой грядкой,
Забываясь, как во сне.
Проступал тот сахар сладкий
Белой солью на спине.

Вырастало в поле чудо,
Разметав дремучий лист:
Каждый корень больше пуда —
Соковит и сахарист.

И дымил в красе и силе
Под алябьевской горой
Первый сахарный в России
И во всей земле — второй.

* * *

Знакомая развилка
Осталась за спиной.
А вот моя Гудиловка,
А вот мой дом родной!

Красиво изгибалась
Тропинка у моста,
И мне всегда казалось,
Что это неспроста.

И я подумал снова,
И я опять сравнил:
Как будто конь подкову
У речки обронил.

Завидная примета,
Веселый поворот.
Века тропинку эту
Протаптывал народ.

ВОРОБЕЙ

Забавляются разини:
— Ну потеха, ну умрешь!
Сразу видно: на мякине
Воробья не проведешь.

Воробей кивал головкой,
В знак согласия кивал.
Сам сноровисто и ловко
Кус заброшенный клевал.

Он клевал и озирался,
Чтоб не стукнул лиходея.
Воробей людей боялся
И стыдился за людей.

* * *

Приметил дядя елочку,
Смахнул и уволок
И, как за провинение,
Поставил в уголок.

Дрожала в страхе елочка
В мерцании огней.
Ни девочки, ни мальчики
Не радовались ей.

А где-то зайка серенький
Вокруг пенька скакал
И елочку зеленую
Всю эту ночь искал.

* * *

Заливался в роще
Соловей-соловушка.
Закружилась бедная
У меня головушка.

Я шагал опушкою,
Поневоле ахая,
Восхищаясь этою
Серенькою птахою.

Где истоки таинства,
Вдохновенья птичьего?
Самое чудесное —
Самое обычное!

С жалобного писка
Под родной калиною
Зачиналась дивная
Песня соловьиная.

МУРАВЬИ

Я устал на покосе,
Развалился в траве.
От березы к березе —
Муравьи в мураве.

Мчатся к маминой кочке
Муравьиным шоссе:
Друг за другом цепочкой —
По веревочке все.

Эти даром не бродят,
Не теряют свой след.
И меня переходят,
Как Уральский хребет.

* * *

Нахохлясь и насупясь,
Скребя рукой висок,
Глядел лесник на супесь,
Желтевшую у ног.

Смотрел хозяин с грустью,
Кривил в усмешке рот:
— Ты прозябаешь, пустошь,
Без дела и забот.

Я посажу вдоль балки
Березы и дубы.
Рожать не хочешь злаки —
Рожай грибы!

Я был там нынче летом,
Дивился чудесам.
Кто усомнится в этом,
Пусть убедится сам.

Бродя лесной тропинкой,
Он чертыхнется вслух:
— Ах, жаль, что нет корзинки,
А может, даже двух!

* * *

Качали упругими крыльями
В осенней дали журавли,
И волны от них доходили
Незримо до самой земли.

Те волны бесшумно плескались,
Спешили издалика,
И на лице ощущалось
Дыхание ветерка.

Растаял и затерялся
За синим леском караван,
Лишь долго еще колебался
Над гулкой ложиной туман.

* * *

Шла зима в глубокую разведку,
Пробиралась тропами низин:
Над рекой заламывала ветки,
Обрывала листья у осин.

Понапрасну умники клеветают,
Что осины трусостью грешат:
Перед каждым ветерком трепещут,
Перед каждой тучкою дрожат.

Я всегда с печалью и любовью
Наблюдаю в роще у моста,
Как осины, обагрясь кровью,
Бьются до последнего листа.

Были мельницы и запруды
На моей неприметной реке.
Плавал селезень сизогрудый
С белой утицей в тростнике.

Не спеша шевеля плавниками,
В наши верши и кубари
Шли игривыми косяками
И синички, и пескари.

Здесь барахталась очумело
Голопузая ребятня.
Сердце екало, сердце пело,
Сердце прыгало у меня.

Отчего же неласково стало,
Неприятно и сиро окрест?
Видно, вслед за людьми убежала
Наша речка из брошенных мест,

Пахнет тиною, тянет гнилью
Над забытым ее бочажком.
Вязнут гуси в зеленом иле,
Ходят гуси по дну пешком.

Где вы, мельницы и запруды
На моей неприметной реке?
Где ты, селезень сизогрудый
С белой утицей в тростнике?

Чья душа не грустит, не жалеет,
Не вздыхает над руслами рек?
Говорят, если реки мелеют,
То мелеет душой человек.

* * *

Это знает каждый,
Что в кругу раки
Дом многоэтажный
На пруду стоит.

То ли мне мерещится,
То ли люди врут:
Здесь все так же плещется
Под ветвями пруд.

Здесь, как в детстве, плавают
Выводки гусей
И мальцы оравою
Ловят карасей.

То ли мне мерещится,
То ли снится мне:
Подо мною плещутся
Звезды в глубине.

Поднимусь с кровати,
Ноги опущу,
Словно на закате
Цыпки полощу.

И совсем не важно,
Что в кругу раки
Дом многоэтажный
На пруду стоит.

* * *

За высокой крышей
Спряталась луна.
В городской квартире
Мрак и тишина.

Не мурлычет кошка,
Не поет сверчок.
Лишь над головою
Мамин рушничок.

Сколько пролетело,
Промелькнуло лет? ..
Вспоминаю детство,
Голубой рассвет.

Мучаюсь бессонницей,
Напрягаю слух:
Может, с полотенца
Прокричит петух.

* * *

Везли немазанные дроги
Меня учиться в городок.
О чем я думал в той дороге,
Зажав в коленях узелок?

О чем мечтал я, бедолага
Из дальней сельской стороны?
Куплю цветастую рубаху
И справлю в дудочку штаны!

Я стану городским отныне
И новых заведу друзей.
...Я шел, а сзади на штанине
Висел гудиловский репей!

**СЛОВО
ЗНАТНОГО КОМБАЙНЕРА
НА СЛЕТЕ СТАРШЕКЛАСНИКОВ**

Я и сам учился в школе,
Я и сам мечтал о том:
Выйти в люди — выйти в поле
И — прощай, отцовский дом!

А вот сын на мостик рвется,
Хоть его никто не звал.
Я умаюсь — он берется,
Сам берется за штурвал.

Не хвалюсь, а парень хваткий,
Не сачок, не шалопай:
Право слово, лучше батьки —
По струне ведет комбайн.

Погляжу — радеет малый,
И на сердце веселей:
Прикипит рука к штурвалу —
Прикипит душа к земле.

Не желаю лучшей доли —
И сказал бы молодым:
Выйти в люди — выйти в поле
И — навек сродниться с ним!

* * *

Праздный и веселый соглядатай
Заявлялся в самую страду.
Шлялся от рассвета до заката,
Отдыхал — имеется в виду.

Обойдет все горки и увалы,
Не стыдясь укора и греха.
Чудо-шляпа косо тень бросала
На кусты, полянки и луга.

Мужики шутили откровенно,
Сверстнику нисколько не грубя:
— Только и осталось от деревни —
Что солома в шляпе у тебя!

* * *

Уже, наверно, четверть века
Гляжу в окно из-за стола:
Напротив — старая аптека,
За ней — Никитской купола.

А там сады и огороды
В кругу высоких тополей.
А там старинные ворота
И краеведческий музей.

А там за каждою избою
Жила история сама,
Да заслонили все собою
Многоэтажные дома.

Потянет дымом из-за речки,
И по земле такой туман,
Что не отыщешь днем со свечкой
Исконных в городе амчан.

Другие дни, другие люди,
Другой напев и красота.
А у меня все те же будни —
Звонки, бумаги, суета.

Уже, наверно, четверть века
Гляжу в окно из-за стола.
Как много надо человеку,
Как жизнь огромна и мала!

* * *

Мать весь вечер
Ждет меня и тужит,
Затаив морщинистую грусть.
Остывает подогретый ужин,
Только я домой не тороплюсь.

Возвращаюсь поздно с вечеринки,
Подхожу и вижу при луне:
На столе стоит большая кринка,
Охладев решительно ко мне!

«МОЛНИЯ»

Укатив из Пскова
На реку Сосну,
Муж увлекся клевом
И забыл жену.

А жена напомнила:
Почему, мол, так?
Телеграмму-молнию
Получил рыбак.

Теребил он удочки,
Стоя у воды:
Молния — не шуточки,
Ожидай беды.

А хозяйка молвила,
Поводя плечом:
— Знай, за этой молнией
Скоро грянет гром!

* * *

Ах, гусь ты, мой гусь,
Гусь ты лапчатый,
Я в саду не заберусь
В улей рамчатый.

Я не трону гусят
Со гусынею.
Гуси высыпали в ряд,
Рты разинули.

Я от милой тайком —
В утро раннее.
Гуси вслед за гусаком
Загорланили.

Вы мне голову снесли,
Черти вредные.
Говорят, вы Рим спасли,
А меня — предали!

* * *

Меня сватать приходил,
Уговаривал
Сам железный бригадир
Из Панарина.

Улыбалась мило мать,
Что завидный будет зять.
А я модничала
Да уродничала.

Мать шептала:
— Покорись,
Не ломайся, дура:
На селе тракторист —
Главная фигура!

А я модничала
Да уродничала:
— Видная фигура,
И губа не дура!

* * *

Губы алы, щеки белы,
А глаза — зеленые.
Ты напрасно мечешь стрелы,
В Студенце каленные.

Стань нежнее и добрее,
Ласкою срази меня.
Ты же светишь, а не греешь,
Словно солнце зимнее.

* * *

— Послушай, батенька, послушай,
Ты все о Зуше, все о Зуше,
А Зуша, батенька, узка! —
Заметил критик свысока.

А я ответил зло и колко:
— Поймите, Зуша льется в Волгу,
А Волга-матушка река
И широка, и глубока.

* * *

Под небом Еревана и Батума,
На улочках Тбилиси и Баку
Он вспоминал
То нежно, то угрюмо
Рязанские березы и Оку.

В чужих краях
Любовь к родному краю
Его томила, мучила и жгла.
Рязанская дорога полевая
Его всегда на родину звала.

Во дни трудов,
Средь уличного гула
Он слышал ржанье
Дедовских кобыл.
Не потому ль
Его домой тянуло
Как будто тыщей
Лошадиных сил?

КОСОЙ БРОД

Над волнами Косого Брода
Расплескался заката огонь.
Про лихие военные годы
У костра вспоминает гармонию.

Заросли деревцами могилы
У смоленских лесных дорог.
Только образ солдатский милый
Кто-то в сердце навек сберег.

До сих пор не забыли смоляне
Потайных заболоченных троп,
Как бы хитро они ни петляли
И ни прятались в старый окол.

* * *

Вьюга крупной по лицу хлестала,
В темноте валила с ног людей,
И ребята падали на шпалы,
Только что отбитые у ней.

Поздно ночью прояснилось небо,
Ярким светом брызнула звезда.
Словно вьюги окаянной не было —
Снова проносились поезда.

А в сторонке, за притихшим садом,
Обступив костер полукольцом,
Провожала их бедовым взглядом
Юность с обмороженным лицом.

* * *

Не ради денег и наживы,
Не ради громкой похвалы
Я как старательный служивый
Стирал белье и мыл полы.

Не ради жирного приварка
В посудомойке миски тер,
Ворочал уголь в кочегарке
И нянчил сутками топор.

Не ради шутки и забавы
Месил в походах снег и грязь,
Долбил окопы и канавы,
Как перед боем торопясь.

Я выполнял любое дело
Без оговорок и смешков.
Мне это Родина велела --
И я не тратил лишних слов!

ПУШКАРИ

Ветер тучи грозовые гонит,
Нелегко усталость превозмочь.
На укрытом тьмою полигоне
Пушкари расстреливают ночь.

Лупят пушки яростно по целям,
По заросшим старым блиндажам,
Словно с той войны еще засели
И не сдались гитлеровцы нам.

* * *

Между лугами-покосами
Из дальнего далека
Проходят плоты по Осьме,
Цепляясь за облака.

Коварны скрытые мели,
И повороты круты.
Глаза неусыпно глядели,
Как извивались плоты.

Я мерял багром перегоны,
Стремительно вел головной. . .
Я знал, что друзья-плотогоны
Стоят у меня за спиной.

Причалив на отдых заслуженный,
При свете костра и зари,
Справляем свой поздний ужин,
Солдаты и косари.

Затихло: ни смеха, ни стука.
Залитый костер погас.
Как будто хищная щука
Луну проглотила враз.

Уснем на душистом сене,
Закутанные в туман.
А утром опять по теченью
Уходит плотов караван.

Из дальнего синего леса
Отважные парни плывут,
Что в воду спокойно лезут
И смело в огонь пойдут.

ПАХАРИ

Шел поезд берегом Аракса
В глухие поздние часы.
А ночь была черна, как вакса,
У пограничной полосы.

Лишь ночь от поезда отстала,
Туманы в горы уползли,
Перед глазами замелькала
Полоска вспаханной земли.

Везде граница на задвижке
Для глаз чужих, для ног чужих.
Молчат сторожевые вышки,
Дежурят пахари на них.

Они хранят надежно Родину
И от отцовских мест вдали
Усердно пашут и скородят
Полоску узкую земли.

ПРОЩАНИЕ

Я уезжал, я на вокзал спешил,
И, может быть, на вечную разлуку
Я торопливо жал ребятам руку,
С которыми три года прослужил.

Прощай, казарма,
Мой солдатский дом!
Я двери не закрою за собою.
Я знаю: мне последний был «подъем»
И не было последнего «отбоя»!

* * *

Я узнаю его по форме,
Опознаю его в лицо —
Вот с этой прядкой непокорной,
Что завивается в кольцо.

Я помню:
Весь заиндевелый,
В густом морозном серебре,
Он появился в форме белой
Декабрьским утром во дворе.

ЗаиндеVELO-белый лыжник
Ступал по снегу тяжело.
И мал и стар навстречу вышли
И проводили за село.

Кто знал,
Что у тропы прибрежной
Его засада стерегла?
Теперь стоит он, белоснежный,
На главной улице села.

В глазах ни боли, ни печали —
Суровый взгляд, тревожный взгляд.
Стоит солдат на пьедестале
И не снимает маскхалат.

СЕРДЦЕ

Если сердце чересчур устало
От дорог, сомнений и обид,
Все равно не требует привала,
А сильнее прежнего стучит.

Некогда ему остановиться,
Слишком век короткий у него.
Вот чему бы надо поучиться
Каждому у сердца своего!

РАБОЧАЯ КРОВЬ

Случилось:
Человек споткнулся
В лихой погоне за рублем.
В руке не чувствовалось пульса,
А был открытый перелом.

Лежал больной на жесткой койке,
Худой и бледный как мертвец.
Пришли товарищи по стройке,
Глядят и думают:
Конец!

Стоят, больного утешая,
Своей печали не тая,
Что у него душа чужая,
А кровь рабочая, своя.

— Не беспокойся, хватит крови! —
Заверил каждый от души. —
Бери на доброе здоровье
И нашей кровью дорожи.

БОРОДАТЫМ ПОЭТАМ

На Руси извечно борода
Украшала злого и веселого.
Только настоящая беда,
Если у кого-то борода
Перевешивает голову!

* * *

У дедовского домика
На том краю села
В тот самый год черемуха
Отчаянно цвела.

Вздыхала горько бабушка:
— Ох, это не к добру:
Или старик преставится,
Или сама помру.

А вскоре у Борисова
На пыльный бугорок
Упал сраженный пулею
Единственный сынок.

— Детинушка-кровинушка,
Ведь я была права, —
И бабушка черемуху
Срубила на дрова.

Срубила, не подумала,
Что вновь на месте том
Другой весной черемуха
Раскинется кустом.

Немало весен минуло,
Прошло немало лет.
Ни бабушки, ни дедушки
Давно на свете нет.

А на земле по-прежнему
У голубых ворот
Черемушник, черемушник,
Черемушник цветет!

* * *

Сяду за отбой с косою,
Стану тюкать молотком.
Дед Илья шуршит метлою
И косит одним глазком.

Подойдет — щипнет за ухо,
Станет злить и донимать:
— Ну и любишь лопотуху
Лопотухой погонять!

Я чешу дурной затылок,
Ковыряю зло в носу:
Ничего-то мне не мило —
Загубил, сопляк, косу!

— Что ты киснешь, словно баба? —
Станет старый утешать. —
Жисть — она не без ухабов,
Привыкай, ядрена мать!

* * *

Не тревожусь, что увидят люди
И подвергнут позднему суду.
Я, как прежде, прихожу к запруде,
Прихожу и терпеливо жду.

Вот она, знакомая дорожка,
Выбегает в поле из кустов.
Стоит подождать еще немножко —
И услышу шорохи шагов.

Хорошо, что в жизни уходящей,
За щербатым частоколом дней,
Ты теперь встречаешься все чаще
На тропинках памяти моей.

Я стою под нежно-грустным взглядом,
Неприкаян и невиноват.
За рекой, за выгоном, за садом
Все горит рябиновый закат.

ПОДОРОЖНИЕ

Ни скрип колес тележных,
Ни топот конских ног
Не потревожат прежних,
Заброшенных дорог.

А он дорогой бредит,
А он упрямо ждет,
Что кто-нибудь проедет,
Что кто-нибудь пройдет.

Все слушает, все слушает
Минувших дней мотив,
Развесистые уши
По ветру наострив. . .

* * *

Снежинки в небе пляшут
И падают на луг.
Хвостом Красавка машет
И отгоняет мух.

— Ну что ты, дура, делаешь? —
Стыдит корову мать. —
Ведь это мухи белые
И ведь зима опять.

* * *

Горели поленья в печурке,
Потрескивал тихо огонь.
О чьей-то жене и дочурке
Вздыхала в землянке гармонь.

Припомнив родимые хаты,
Улыбки и слезы девчат,
Задумчиво пели ребята,
Зажав меж колен автомат.

А утром по вещему знаку
Вот эти, живые пока,
Уйдут из землянки в атаку,
А из атаки — в века.

Вот эта, наверно, полянка,
Теперь тут по пояс трава.
Давно обвалилась землянка,
А песня поныне жива!

А память вовеки нетленна,
Бессмертны солдат имена,
Поскольку в народе священна
Далекая эта война.

ЩЕГЛЫ

Была в России деревенька
С веселым именем Щеглы.
Была такая деревенька,
Теперь ни хаты, ни ветлы.

Кругом немое запустенье,
Да непролазный чернобыл,
Да у канав кусты сирени,
Как будто холмики могил.

Да с той поры,
С той ночи тяжкой,
Когда людей настигла смерть,
Горит рябина у овражка
И все не может догореть.

Пусть на душе полынно-горько
Порой бывает у меня,
Горит рябина у пригорка
Как символ Вечного огня.

СОДЕРЖАНИЕ

Дым Отечества	5
«Легли налево и направо...»	7
«Из того далекого-далекого...»	9
Самород	11
Слово павших	13
Затишье	14
«Это не богатство...»	16
«Ниже, ниже, ниже...»	17
Попекушки	18
«Окину поле у ракиит...»	19
«Полюс»	20
Зимний сон	21
Заправка	23
Солдатки	25
«Муж свинцом фашистов косит...»	26
«Вскопать такое поле...»	27
«Тетка возит молоко...»	28
Рыжуха	30
«Озорной да хваткий...»	32
«Отпадают год от года...»	33
«Девчата сидели и пели...»	34
Бивни	36
«Городок, сиренью запорошенный...»	37
«В Дубках...»	39
«Мы не очень знамениты...»	41
«Когда-нибудь в родное Власово...»	42
«Знать, такой обычай в Новосиле...»	43
«Мне возразил сердито...»	44

«Бывал ли ты в Дорогобуже?..»	45
«Был в народе славен...»	47
Горький корень	48
«Знакомая развилка...»	50
Воробей	51
«Приметил дядя елочку...»	52
«Заливался в роще...»	53
Муравьи	54
«Нахохлясь и насупясь...»	55
«Качали упругими крыльями...»	56
«Шла зима в глубокую разведку...»	57
«Были мельницы и запруды...»	58
«Это знает каждый...»	60
«За высокой крышей...»	62
«Везли немазанные дроги...»	63
Слово знатного комбайнера на слете старшекласников	64
«Праздный и веселый соглядатай...»	65
«Уже, наверно, четверть века...»	66
«Мать весь вечер...»	67
«Молния»	68
«Ах, гусь ты, мой гусь...»	69
«Меня сватать приходил...»	70
«Губы алы, щеки белы...»	71
«— Послушай, батенька, послушай...»	72
«Под небом Еревана и Батума...»	73
Косой Брод	74
«Вьюга крупной по лицу хлестала...»	75
«Не ради денег и наживы...»	76
Пушкари	77
«Между лугами-покосами...»	78
Пахари	80
Прощание	81
«Я узнаю его по форме...»	82
Сердце	83
Рабочая кровь	84
Бородатым поэтам	85

«У дедовского домика...»	86
«Сяду за отбой с косою...»	88
«Не тревожусь, что увидят люди...»	89
Подорожник	90
«Снежинки в небе пляшут...»	91
«Горели поленья в печурке...»	92
Щеглы	93

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ АЛЕКСАНДРОВ

ЖИВЫЕ ЗЕРНА

М., «Советский писатель», 1977, 96 стр. План выпуска 1977 г. № 123.
Художник В. М. Новосёлова. Редактор В. К. Семакин. Худож. редак-
тор В. В. Медведев. Техн. редактор З. Г. Игнатова.
Корректор Т. Н. Гуляева.

ИБ № 500

Сдано в набор 4/III 1977 г. Подписано к печати 10/VI 1977 г. А 09486.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Печ. л. 3,0. Усл. печ. л. 4,2. Уч.-изд.
л. 2,22. Тираж 10 000 экз. Заказ № 351. Цена 23 коп. Издательство «Со-
ветский писатель», Москва Г-69, ул. Воровского, 11. Ордена Трудового
Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам из-
дательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, Центр,
Красная ул., 1/3.